

Никитина Галина Сергеевна — скульптор, член Московского союза художников. Родилась в Москве на Соколе в 1954 году, в 77-м закончила «Строгановку» по факультету монументального искусства. Ею созданы рельефы и композиции для интерьеров школы-студии МХАТ, Детского музыкального театра, Дома дружбы народов, Музея революции, памятник Дмитрию Донскому. В 1981 году удостоена премии Союза художников СССР за серию работ «Археологи». Одним словом — человек в мире скульпторов авторитетный, да к тому же женщина.

ЖЕНЩИНА-СКУЛЬПТОР — ЭТО ЕСТЕСТВЕННО

Юрий ЗУБАНОВ

— Галина Сергеевна, объясните пожалуйста, как становятся скульптором?

— Мама купила пластилин. Я начала лепить зайчиков, петушков, собачек там всяких. А однажды, когда я заболела и осталась дома одна, мне попала на глаза книга «Сотворение Мира» с картинками. В общем, к возвращению мамы я слепила Адама со всеми подробностями.

— Сколько вам было тогда?

— 4 года. А затем мама отвела меня в студию во Дворец пионеров на Ленинских горах.

— Никогда не жалели, что стали скульптором?

— Вы знаете, творчество подобно наркотику: порой вкладываешь в него все заработанные деньги, экономя даже на детях. А после кражи из мастерской на Севастопольской руки опускаются. Украли все — готовые работы, инструменты, оборудование, материалы. Опять начинать все с нуля.

— Есть ли в Москве место скульптуре?

— Да сколько угодно. Но, к сожалению, многие авторы стремятся поставить свои работы в Центре, чтобы их видели все. Но не всегда это место удачно. Памятник Жукову тому пример. А спальные районы пусты. Там люди полюбили бы любой памятник, установленный у них во дворе. А в Москве только официально около 500 скульпторов, и почти все они голодают — нет заказов.

— Должен ли натурщик нравиться скульптору?

— Вовсе необязательно. Бывают натурщики просто неприятные как люди. Даже фигуры. У нас нет профессиональных натурщиков в отличие от Запада, где у них свои профсоюзы, где их заработка хватает на нормальную жизнь и поддержание себя «в форме». А работа натурщика довольно тяжелая: во-первых, на тебя смотрят 40 глаз; во-вторых, холодно, когда всем тепло, раздет же; в-третьих, простоять неподвижно несколько часов может не каждый. У них есть свои профессиональные заболевания, связанные с суставами, судами.

А впрочем, была у нас одна профессиональная натурщица у скульптора Коненкова. Причем она настолько неприхотлива, что в голодные послереволюционные годы, порой пожевав только селедки, продолжала позировать. Все известные его работы, принесшие ему славу, сделаны с ней. Она была по сути у него домработницей и закончила довольно грустно — ни пенсии, ни зарплаты. Художники потом ей скидывались на еду.

— А можно ли быть натурщицей в 40 лет?

— Да, можно. В каждом возрасте свои нюансы. Я, например, сейчас работаю с 17-летней девушкой

и в течение месяца замечаю, как на полутонах, на нюансах она превращается из хрупкой девчонки в юную женщину.

А когда я училась в «Строгановке», нам позировал натурщик Шульц. Так вот ему тогда было 80 лет, и он нам демонстрировал игру мышц.

К тому же мужчинам-натурщикам легче. Они не позировают обнаженными. Они закрывают интимные места гильфиками — мешочками на ниточках.

Это пережитки социализма, когда еще в 30-е годы проректор художественного института «одевал» греческие скульптуры в пластилиновые трусы. Поэтому и в 60-е годы скульптуры больше напоминают памятники.

Особняком здесь держался известный Манизер, у которого в мастерской видели Ленина, «одемого» в одну жилетку на голое тело. То есть он лепил голого человека, а потом его одевал. Все его скульптуры в метро «Измайловский парк» тоже «одеты». Метро «Площадь Революции» — тоже Манизер.

— Можно ли встретить шедевр на вернисаже под открытым небом?

— Нет. То, что художники там продают, написано на потребу. Они хорошо знают, что покупается: море, девушки, лес, горы. Иначе они не выживут.

— А от чего зависит цена картины?

— Как правило, не от художественной ценности. Если он написал ее на одном дыхании, то продаст дешевле. Если тяжело шла, то как больное дитя — его жалко, цена будет выше. Известны случаи, когда Пикассо приносили картины и просили подписать, убеждая, что это его картины, написанные в юности, но без подписи. Он верил и подписывал. Затем эти картины шли по бешеной цене. Подпись — то подлинная.

— Почему на вернисажах не продают скульптуру?

— Понимаете, скульптуру за 200 долларов не сделаешь. Она связана с производством. Сначала делается модель из пластилина. Затем модель переводится в бронзу или керамику. Этим занимается уже формовщик, ему тоже надо платить. Если скульптура будет больше модели, то ее надо увеличивать. Этим занимаются увеличители. Кстати, очень уважаемая профессия. Весь Мамаев курган сделан увеличителями.

Мы закончили наш разговор осмотром мастерской. Среди обычного «рабочего» беспорядка выделялись готовые модели женских фигур. Они были гармоничны и казались живыми.

Наверное, только женщина-скульптор способна сделать их столь естественными. Нам необходима эта красота. Пусть ее увидят москвичи на своих улицах и во дворах.

295